

Sedakova, Irina A.

Жизнь как ценность и ценности в жизни (на материале книги А. И. Солженицына "Архипелаг Гулаг")

Etnolingwistyka 22, 29-38

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Ирина А. Седакова
(Москва)

ЖИЗНЬ КАК ЦЕННОСТЬ И ЦЕННОСТИ В ЖИЗНИ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ А. И. СОЛЖЕНИЦИНА *АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ*)

Życie i słowa pokrewne (*żyć, przeżyć, dożyć, żywy*) w dziele A. I. Solżenicyna *Archipelag Gulag* występują z dużą częstotliwością, tworząc łącznie specyficzny „tekst życia”. W warunkach kryzysu wartość życia rośnie. Życie jako wartość bazowa realizuje się poprzez kilka opozycji podstawowych: życie jest przeciwstawione śmierci, życie w więzieniu – życiu na wolności, życie w areszcie – życiu przed aresztowaniem i życiu po zwolnieniu. Opozycje te nierzadko jednak są przeinterpretowane w szczególny sposób: życie w więzieniu jest zrównane ze śmiercią, życie jest krótkie, ale jednocześnie i długie. Wartość życia – w tym także życia w obozie – dla Solżenicyna jest porównywalna z innymi wartościami takimi, jak: *honor, godność, Ojczyzna, prawda, sumienie*, a szczególnie *wolność*. W epoce Gułagu aksjologia życia zależy zarówno od obiektywnych, jak i subiektywnych przyczyn. Jednakże niezależnie od ambiwalentnych i relatywnych wartościowań, życie pojmowane jest jako wartość najwyższa, a życie duchowe jest ważniejsze niż cielesne.

В статье¹ рассматривается самая базовая, первичная ценность – *жизнь*, служащая мерилom и условием для других человеческих ценностей. Это слово и его однокоренные нередко входят в саму дефиницию ценностей², ср., например, определение, принятое в социологии: ценности – это «жизненные смыслы, которыми индивиды... руководствуются в своей повсе-

¹ Статья написана в рамках Программы Президиума РАН «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в языках, литературах и фольклоре народов России: история и современность».

² Понятию «ценность», классификации ценностных категорий и принципам их лингвистического изучения посвящена обширная литература, ее обзор содержится, в частности, в работе (Бартминский 2005: 114–116), см. также (Maslow (ed.) 1959; Lemos 1995; d'Andrade 2008).

дневной жизни, смыслы, которые в значительной степени определяют отношения индивидов к окружающей их действительности и детерминируют основные модели социального поведения» ((Разрядка наша. – И. С.) Рябов, Курбангалеева (ред.) 2003: 12). Таким образом, жизнь – это ценность ценностей, точка отсчета бытия-небытия, обязательный член оппозиции «жизнь-смерть». Жизнь – это и концепт концептов, в него вписываются другие глобальные понятия – время, пространство, история, память и др.

Аксиология концепта 'жизнь' в своей широте и глубине не поддается даже самому краткому описанию в пределах одной статьи. Семантическая насыщенность этого слова-концепта, богатые словообразовательные возможности корня, а также множество идиом, фразеологизмов, пословиц, афоризмов, поэтических и художественных цитат, в которых фигурирует *жизнь*³, делают материал буквально необозримым.

В этой работе мы прибегнем к жестким ограничениям и остановимся на аксиологии концепта *жизни*, в том объеме содержания, в котором он текстуально вербализован в книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Сразу же оговорим, что термин «ценность», как указывают многие исследователи на материале разных языков и культур, уводит в сторону позитивного и ориентирует на положительные свойства, на добродетели. Однако в аксиологии отрицательных характеристик нередко больше, чем положительных, что отражает и сущностные свойства языка (ср., в частности, преобладание фразеологизмов и экспрессивной лексики, описывающих отрицательные свойства). Описывая ценность жизни и ценности в жизни, мы отталкиваемся от позитивной оценки, ценности с учетом ее противоположности – антиценности.

А.И. Солженицын определяет жанр своего произведения «Архипелаг ГУЛАГ» как «опыт художественного исследования», что очень существенно для нашей работы. Это одна из художественно-публицистических книг, в которых *жизнь* в разнообразных ее проявлениях является главной темой. *Жизнь* и однокоренные слова представлены в романе с высокой частотностью.⁴ *Жизнь* в «Архипелаге ГУЛАГ» используется почти во всех сло-

³ См. в Интернете подборки афоризмов и пословиц о жизни, насчитывающие сотни и тысячи единиц: www.lossofsoul.com; <http://1001.vdv.ru/arc/getsbi/issue14/>; <http://www.aphorism.ru/185.shtml> и др.

⁴ «Лагерная проза» подобного документального жанра различается по интенсивности обращения к *жизни*. Книга Е. Гинзбург «Крутой маршрут» (Гинзбург 2007) по семантике и узусу слова *жизнь* приближается к «Архипелагу ГУЛАГ», в случае самых точных совпадений в нашей статье приводятся цитаты из обеих книг. У Е. Гинзбург при этом часто звучат дополнительные мотивы *женской, материнской жизни* в контексте *жизни детей*. В книге же О. Волкова «Век надежд и крушений» (Волков, 1989) слово *жизнь* встречается редко, чаще в ней вербализуются религиозные мотивы и соответствующие концепты и лек-

варных значениях и в самых разных контекстах: в рассуждениях о смысле жизни, об образе жизни, о ее начале и конце, о жизни и смерти и др. Все эти словоупотребления, по нашему мнению, в своей совокупности создают особый *текст жизни*, в котором жизнь представлена как ценность, и вместе с тем в этот текст вписаны и координаты ценностей.

Книга начинается и заканчивается упоминанием о *жизни*, ср. в посвящении («Посвящаю всем, кому не хватило жизни об этом рассказать...») и послесловии («Не потому я прекратил работу, что счел книгу оконченной, а потому, что не осталось больше на нее жизни»). Целые пассажи книги (и их немало) строятся на вербализации понятия *жизнь*, на повторах однокоренных слов (*живой, живущий, пожизненно, пережить, жизнестойкость, жизнелюбие* и др.), напоминающих заклинания, ср. «Всю жизнь я уверен был, что ни в каких обстоятельствах даже не задумаюсь о самоубийстве. ... мне казалось, что погибло все дело моей жизни, особенно если я останусь жить. И я ясно помню это отталкивание от жизни, приливы этого ощущения, что умереть – легче, чем жить. По-моему, в таком состоянии больше воли требует остаться жить, чем умереть» (4: 568–569).⁵

А.И. Солженицын множит поэтические образы и метафоры *жизни*: «...но безраскаянное сознание верности жизненного пути давало ему необыкновенную силу» (1: 272); «По долгой кривой улице нашей жизни мы счастливо неслись или несчастливо брели мимо каких-то заборов...» (1: 16); «Тянутся с острова на острова на остров Архипелага тонкие пряди человеческих жизней» (2: 511); «Ведь это постукивает – веретено жизни» (там же); «А дальше начиналась чаша жизни: артистки, „Метрополь“, „Савой“» (3: 271); «Я уже мало спал – хлебал напиток жизни и наслаждался» (2: 586) и мн. др. Кроме того, наряду с устоявшимися адъективными словосочетаниями с *жизнь*, А.И. Солженицын прибегает к самым разным ее характеристикам, отсюда следует богатство эпитетов: «надо вообразить свою будущую светлую безгрешную и безошибочную жизнь» (1: 213), «ждать конца своей нескладной жизни» (1: 448–449); «не трепеща за свою оставленную теплую жизнь» (3: 58); ср. также *уютная, цветущая, радостная, поверхностная, развороченная, опустошенная, унылая, гиблая жизнь* и мн. др.⁶

Как кажется, автор осознанно использует и словосочетания *в жизни, всю жизнь, на всю жизнь* во временном обстоятельственном значении вместо *всегда, никогда, навсегда* и др. «И ничего в жизни не видел я более

сика. Это предварительное наблюдение по *тексту жизни* в «лагерной прозе» требует более тщательного анализа.

⁵ В скобках указывается номер части «Архипелага ГУЛАГ» и страницы по изданию (Солженицын 1999).

⁶ Ср. и у Е. Гинзбург: *неправдоподобная, обольстительная, иссякающая жизнь*.

близкого к Божьему раю, чем этот бутырский садик. . . » (1: 278); «Однако это стало его первым в жизни сорвавшимся замыслом» (1: 101); «Всю жизнь я уверен был» (5: 78); «. . . но каким-то чудом человек высиживает свои пять суток, может быть, приобретая и болезнь на всю жизнь» (1: 122).

Все эти частые повторы слова *жизнь* и его однокоренных в разных контекстах свидетельствуют о стремлении автора передать сложность этого концепта и амбивалентность оценок. Такое обостренное отношение к ценности жизни, к ее смыслу (бессмысленности) прослеживается и в книге А.И. Солженицына, и во многих других произведениях «лагерной прозы», ср. у Е. Гинзбург: «. . . тревожное мучительное стремление размышлять над жизнью несмотря на ее явное безумие» (Гинзбург 2007: 431). Это отчасти объясняется тем, что в условиях войны, нестабильности, антигуманных режимов ценность жизни возрастает, она ощущается и эксплицируется отчетливее (Шушарина 2009: 301–302).

Из всего объема семантики слова *жизнь*⁷ у Солженицына самыми важными и частотными являются: 1) физиологическое существование; 2) продолжительность такого существования – время от рождения до смерти; 3) деятельность общества или человечества во всех ее проявлениях; 4) образ существования; жизненный уклад, быт, житье; 5) отдельное живое существо, человек. Значение глагола *жить* ‘проживать, обитать’ вносит важные оценочные и идеологические коннотации в тему *жизни*⁸ – место, как и время человеческой жизни, определяет судьбу человека, ср.: «И неуютно же, и страшно будет в такой стране жить!» (1: 182); «. . . все китайцы, жившие на советском Дальнем востоке» (1: 245); «. . . некоторым предписывали смену места жительства» (1: 248); «там, на Алтае, кажется, жил бы в самой низкой и темной избушке на краю деревни, подле леса» (1: 274) и мн. др. Пространственно-временные параметры *жизни* в книге рассматриваются через призму идеологии, бесчеловечного режима.

Все отмеченные выше значения *жизни* в «Архипелаге» выступают не изолированно, они переплетаются друг с другом или плавно перетекают одно в другой, в целом противостоя мотиву смерти и небытия, с одной стороны, а с другой – жизни иной, свободной – своей прежней или параллельной чужой, жизни. Таким образом, в книге намечаются две главные аксиологические оппозиции: «жизнь – смерть»⁹ и «лагерная жизнь – воль-

⁷ Мы выбрали и обобщили основные значения, основываясь на словарных статьях «Жизнь» в словарях русского языка Д.Н. Ушакова, БАС, МАС и М.Ю. Шведовой. Лексикографические дефиниции слова *жизнь* могут быть предметом отдельного анализа.

⁸ Ср. в этом плане ценное наблюдение С.М. Толстой: «. . . носителем многозначности (единицей многозначности) является не только слово как набор лексем, но и целое лексико-словообразовательное гнездо» (Толстая 2008: 30, примеч. 3).

⁹ Это именно тот случай, когда в аксиологии чрезвычайно важным оказывается антони-

ная жизнь». Значение ‘существование’¹⁰ придает слову *жизнь* широчайшую семантическую вариативность, от наиболее обобщенного смысла, по сути гиперонима для многих абстрактных и конкретных существительных (*судьба, путь, время* и др.) до очень конкретного, которое развивается благодаря различным эпитетам и контекстуальным уточнениям. Без эпитетов *жизнь* выступает почти семантическим нулем конструкции, в которой основную роль играют другие ее члены. Благодаря эпитетам и разного рода языковым и социокультурным маркерам *жизнь* не только конкретизирует значение, но и обретает свое место на шкале ценностей.

Важным для *текста жизни* в «Архипелаге» представляется приведенное нами пятое значение *жизни* как синонима живого существа, человека, которого во многих словарях отсутствует, а в словаре Ушакова дается с пометой (устар.). Однако оно оказывается в книге исключительно релевантным и тесно смыкается с первым, онтологическим и «физиологическим». По Солженицыну, жизнь – это человек, а человек – это жизнь, даже более того, вселенная, мироздание, и именно так звучит в книге тема ценности каждой жизни, каждого человека: «Вселенная имеет столько центров, сколько в ней живых существ. Каждый из нас – центр вселенной, и мироздание раскалывается, когда вам шипят: „Вы арестованы!“» (1: 15).

Эта «собственная», индивидуальная, столь ценная жизнь («Эта книга не будет воспоминанием о собственной жизни» (1: 31); «Мы уже не уверены: имеем ли мы право рассказывать о событиях своей собственной жизни?» (1: 150) оказывается вписанной в жизнь государственной машины («и ничто в государственной жизни не могло измениться от того, останутся ли приговоренные в живых или умрут» (1: 450)), для которой человек (=жизнь, личность) не представляют никакой ценности. Сопоставление «личная/общественная, государственная, политическая жизнь» проводится и в книге Е. Гинзбург: «... чего же вы лезли в политическую жизнь, если вами так владеет страх за вашу драгоценную жизнь?»; «О слепой игре иррациональных злых сил и в нашей личной, и в общей исторической жизни» (Гинзбург 2007: 115; 625).

Текст жизни в книге А.И. Солженицына делится на две части – до и после ареста, рокового вторжения общественной, политической, партий-

---

мическое значение, содержащееся в пресуппозиции. Роль пресуппозиции в семантических исследованиях и лексикографической практике подчеркивает Е. Бартминьский (Бартминьский 2005: 44). Использование антонимов в дефинициях различного типа словарей является традиционной практикой, ср.: «*Смерть* – окончание жизни кого-л. . . неизбежность, коренящаяся в самой биологической жизни» ((Разрядка автора), НОСС: 1053).

¹⁰ Не случайно при толковании *жить* первое значение интерпретируется через ‘быть, существовать’ (ср. семантическое и фонетическое притяжение *житье-бытье, жили-были*), а для *жизнь* через ‘действительность всего существующего’ (Шведова (ред.) 2007: 235–236).

ной жизни в личную¹¹: «Арест!! Сказать ли, что это перелом всей вашей жизни?..» (1: 15). Так жизнь получает темпоральное определение и обретает два четких временных отрезка для последующей аксиологии: один – *прежняя жизнь* (как прошлое) («О, в каком новом виде, – изобилующем опасностями, подлинными африканскими джунглями представляется нам из следовательского кабинета наша прошлая прожитая жизнь! А мы считали ее такой простой!» (1: 125)) и второй – жизнь *лагерная, камерная, тюремная* (настоящее). У Е. Гинзбург это разделение также проводится последовательно по всей книге, более того, два периода жизни получают числовое обозначение: «В той, другой, первой моей жизни, которая теперь казалась приснившейся...» (Гинзбург 207: 714), ср. также «Было у меня, в моей прошлой жизни...» (там же: 447). Настоящее при этом тесно смыкается с будущим, оно несет в себе постоянное ожидание перемен, причем как к худшему (карцер, изменение срока), так и к лучшему (слухи об амнистии). Словосочетание *лагерная жизнь* обозначает определенный хронотоп: существование в определенном месте и в заданное время, эта жизнь – выживание вопреки всему, жизнь на грани смерти.

Жизнь (*жить, живой*) и смерть (*умереть, мертвый*) постоянно соседствуют в книге, они соплагаются в одном предложении, абзаце. *Смерть* представлена многочисленными синонимами, а также семантически родственной лексикой и описательными конструкциями: *гибель, расстрел, приговор, самоубийство* и мн. др.). Антонимическая лексика *жизни и смерти* используется в самых разных контекстах и ассоциативных связях, ср., например: «Падающих тут же разували и кидали на грузовик – живого ли, мертвого» (2: 571); «Итак, если мы знаем, что *Органы* (этим гадким словом они назвали себя сами), воспетые и приподнятые надо всем живущим, не отмирали ни единым шупальцем...» (1: 36) и др.

Это же оппозиция задается и другой лексикой *текста жизни*. Так, глаголы *выжить, дожить, пережить, жить* (в будущем времени), словосочетания *остаться в живых, сохранить жизнь* – это особая модальность в книге, перспектива жизни в ином хронотопе, в другом времени в другом локусе, ср. *пожизненно* как отсутствие такой надежды «Ведь это пожизненно! В былые годы, когда человека осуждали пожизненно, – били барабаны, созывали толпу!» (1: 282). Солженицын адресует свое описание лагерной жизни другой, свободной жизни, чтобы эта, Гулаговская жизнь не была забыта. Эти мотивы постоянно звучат в книге А.И. Солженицына в разных нарративных ракурсах (и в описании жизни героев, и в повествовательном обращении к будущему, и в проецировании настоящего

¹¹ Проведение роковой черты в жизни обозначается у Солженицына разными лексическими средствами: «излом», «молния» и др.

на будущее): «... кто не мог уж рассчитывать пережить и вернуться на свободу» (1: 204); «Нет, ему достается выжить...» (1: 219); «Я мечтаю дожить до того дня (1: 273)»; «А вот что: живы будем – доскажем в другой раз. В Четвертой части. Если будем живы...» (3: 484); «Им-то я и обязан, что остался жив, в лагерях бы мне весь срок ни за что не выжить» (2: 576) и мн. др. Подобные мотивы встречаются и у Е. Гинзбург: «Я хочу сохранить жизнь. Назло им!... Дожить, дожить до этих дней...», ср. и в ее стихах: «Хоть досмотрю свою жизнь/ Если дожить невозможно...» (Гинзбург 2007: 158, 225).

Живущие нередко является синонимом *свободных* и антонимом *арестованных*, особенно в контексте имплицитной или эксплицитной идеи смерти, гибели, рока: «Жертвы ведут себя как можно благороднее, чтобы не дать живущим заметить гибель обреченного» (1: 20). Получается, что заключение – это и жизнь, и не жизнь, хотя бы временная, но смерть: «Надо вступить в тюрьму, не трепеща за свою оставленную теплую жизнь. Надо на пороге сказать себе: жизнь окончена, немного рано, но ничего не поделаешь. На свободу я не вернусь никогда» (1: 136), ср. также: «Жизнь была нам уже не в жизнь» (5: 52); «Пустота. Потерянность. Жизнь, несколько не похожая на жизнь» (6: 350) и мн. др. Освобождение из лагеря равноценно воскресению, возврату к жизни: «Даже наметился в том году маленький антипоток: уже засуженных или заследованных инженеров возвращали к жизни» (1: 59).

Поэтому умереть и страшно, и нестрашно – в силу непереносимых условий и обстоятельств смерть может не пугать: «Уже не о казни думают люди, не расстрела боятся, а – как вот сейчас ноги вытянуть? Как повернуться? Как воздуха глотнуть?» (1: 448). Таким образом, оценка жизни иногда поднимается исключительно высоко на шкале ценностей, иногда же падает до нуля или уходит в негатив: «Жизнь, которую Юрий сохраняет, уже не мила ему сама по себе...» (1: 219). Подобных амбивалентных прочтений *текста жизни* в книге немало, ср., к примеру, два противоположных суждения: «Одна жизнь нам дана, одна маленькая коротенькая! – а мы преступно суем ее под чьи-то пулеметы или лезем с ней, непорочной, в грязную свалку политики» (1: 274) и «Нет, не так уж коротка человеческая жизнь, если вдоль нее оставишь обелиски...» (6: 422).

Однако амбивалентность оценки жизни снимается при обсуждении темы добровольного ухода из жизни. «Самоубийца – всегда банкрот, это всегда – человек в тупике, человек, проигравший жизнь и не имеющий воли для продолжения», – пишет А. И. Солженицын (3: 570).

Ценность *жизни*, в том числе *лагерной*, сопоставима с другими глобальными ценностями (*честь, достоинство, Родина, правда, совесть*), ср. и у Солженицына: «Правда мне дороже жизни» (1: 474); «Это – великий

развилок лагерной жизни. Пойдешь направо – жизнь потеряешь, пойдешь налево – совесть потеряешь») (4: 570).

К основным ценностям жизни, по Солженицыну, относится и свобода, и это один из параметров, по которым в книге ведется постоянное сопоставление вольной и лагерной жизни. Выживанию в лагере противостоит «нормальная, человеческая, свободная жизнь», и даже мелкие детали, на которые обычно люди не обращают внимания, превращаются для заключенных в сверхценности: «Какая же уютная жизнь! – шахматы, книги, пружинные кровати, добротные матрасы, чистая белье» (1: 191). Любой выход из преисподней на свободу, даже под конвоем, кажется раем: «И ничего в жизни не видел я более близкого к Божьему раю, чем этот бутырский садик, переход по асфальтовым дорожкам которого никогда не занимал больше тридцати секунд!» (1: 278).

Более ценными, чем на свободе, для узников становятся и человеческие отношения, как между сокамерниками, так и между «политическими», «урками» и надзирателями. Дружба и приятельство, чувства и эмоции также трактуются в контексте жизни и смерти: «Если годы эти ты разделяешь с товарищем, то не надо тебе умереть для его жизни, и ему не надо умереть, чтобы ты выжил» (4: 586); «Ты ненавидишь окружающих – твоих соперников по жизни и смерти» (4: 587). Многие другие эмоции и человеческие черты получают место на шкале ценностей и антиценностей в контексте аксиологии лагерной или вольной жизни: страх, предательство, ложь (4: 599–622). Таким же образом рассматривает добродетели и их метаморфозы в условиях заключения Е. Гинзбург (Гинзбург 2007: 453–463). Физическое и психическое здоровье – еще одна важнейшая составляющая аксиологии жизни, которой уделяется значительное место у Солженицына и в других произведениях «лагерной прозы».¹²

Особенно ярко в «Архипелаге» раскрывается тема ценностного наполнения человеческой жизни. «Вещественное», бессмысленное содержание «вольной» жизни противопоставлено жизни духа, выживанию, существованию на грани возможного в условиях заключения. Столкновение двух образов жизни и оценка заключенными вольной жизни – частые эпизоды «лагерной прозы», ср.: «Ты окунаешься в гуцу *воли*, толкаешься в станционном зале... слушаешь странные и ничтожные разговоры: о том, что какой-то муж бьет жену или бросил ее; а свекровь почему-то не уживается с невесткой; а коммунальные соседи жгут электричество в коридоре и не вытирают ног... Ты все это слушаешь и мурашки отречения вдруг бегут по твоей спине и голове: тебе так ясно проступает подлинная мера вещей во Вселен-

¹² Некоторые исследователи рассматривают концепт 'здоровье' как прототип ценности или сверхценности, сопоставимую с ценностью самой жизни (Goldstein 1959: 187).

ной! Мера всех слабостей и страстей! – а этим грешникам никак не дано ее увидеть. Истинно жив, подлинно жив только ты, бесплотный, а эти все лишь по ошибке считают себя живущими» (2: 576). Описав такое столкновение двух миров, Солженицын формулирует свое понимание ценностей в жизни¹³ и ценность самой жизни: «Самое главное в жизни, все загадки ее – хотите, я высыплю вам сейчас? Не гонитесь за призрачным – за имуществом, за званием: это наживается нервами десятилетий, а конфискуется в одну ночь. Живите с ровным превосходством над жизнью – не пугайтесь беды, и не томитесь по счастью, все равно ведь: и горького не доведу, и сладкого не дополна» (2: 576).

Завершая это небольшое исследование, отметим, что на восприятии *жизни*, как и других ценностей, отражаются многие общественные факторы – религиозность-нерелигиозность, официальные политические и идеологические установки, наличие кризисной ситуации, мода и др. Ценности вообще и *жизнь* в частности могут вырастать в идеологему, насаждаемую средствами массовой информации, институциями или навязываемую в процессе воспитания и обучения. При этом *жизнь* – личностная категория, соотносящаяся с возрастом, полом, образованием, социальным происхождением, характером индивида, и в этом свете *жизнь* как ценность тесно соединена со своим наполнением – ценностями в жизни. Таким образом, ценность выступает как непостоянная величина (из объективной она превращается в субъективную, из позитивной – в негативную, внутри же системы ценностей меняется их иерархия). Все эти параметры, формирующие жизненные установки, в сочетании с многомерностью самого понятия *жизнь* создают сложные комбинации оценки жизни в ее разнообразии. Даже внутри одного синхронного среза – описанной А.И. Солженицыным эпохи ГУЛАГА – аксиология *жизни* зависит и от объективных, и от субъективных причин. Однако за амбивалентностью и относительным характером многих оценок в книге А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» стоит понимание жизни как высшей ценности, – это жизнь духа, побеждающая жизнь плоти.

---

¹³ Отметим широту взглядов А.И. Солженицына, с пониманием описывавшего стремление освободившихся наверстать упущенное: «Кто нагоняет в еде. В мебели, в одежде (забыто, как обрезались пуговицы. Как гибли лучшие вещи в предбанниках). Опять приятнейшим занятием становится – покупать. И как упрекнуть их, если, правда, столько упущено? Если вырезано из жизни – столько?» (6: 467).

Литература

- Бартми́нский 2005 – Бартми́нский Ежи. *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. М., 2005.
- БАС – *Словарь современного русского языка*. М., Л., 1955. Т. 4.
- Волков 1989 – Олег Волков. *Век надежд и крушений*. М., 1989.
- Гинзбург 2007 – Евгения Гинзбург. *Крутой маршрут. Хроника времен культа личности*. М., 2007.
- МАС – *Словарь русского языка в четырех томах*. М., 1985. Т. 1.
- НОСС (ред. Апресян) – *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна*. М., 2003.
- Рябов, Курбангалеева (ред.) 2003 – *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева*. М., 2003.
- Солженицын 1999 – А.И. Солженицын. *Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования*. Собр. соч. в 9 тт. М., 1999.
- Толстая 2008 – Толстая С.М. *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. М., 2008.
- Ушаков (ред.) – *Большой толковый словарь современного русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова*. М., 1935. Т. 1.
- Шведова (ред.) 2007 – *Толковый словарь русского языка*. М., 2007.
- Шушарина 2009 – И.А. Шушарина. *Соотношение концепта «жизнь» в русском и польском языках // Международный научный симпозиум. Славянские языки и культуры в современном мире. Труды и материалы. Москва, МГУ 24–26 марта 2009 г.* С. 301–302.
- d'Andrade 2008 – d'Andrade, Roy. *A Study of Personal and Cultural values: American, Japanese and Vietnamese*. New York, 2008.
- Goldstein 1959 – Goldstein, Kurt. *Health as Value*. In: Maslow (ed.) 1959.
- Lemos 1995 – Lemos, Ramon M. *The Nature of Value. Axiological Investigations*. Univ. of Press, Florida, 1995.
- Maslow (ed.) 1959 – *New Knowledge in Human Values / Maslow, Abraham (ed.)*. Harper and brothers publishers, New York, 1959.

LIFE AS A VALUE AND VALUES IN LIFE

(ON THE BASIS OF ALEKSANDR SOLZHENITSYN'S *THE GULAG ARCHIPELAGO*)

Life and semantically related words (*live, survive, live until, alive*) in Aleksandr Solzhenitsyn's *The Gulag Archipelago* are used frequently and constitute a peculiar text of life. At the moment of crisis, the value of life rises. Life as a base value is realized through several basic oppositions: life vs. death, life in prison vs. life out of prison, life under arrest vs. life before and after arrest. The oppositions are, however, frequently reinterpreted in a specific manner: life in prison is identified with death, life is short but also long etc. The value of life, also in a prison camp, is for Solzhenitsyn comparable to other human values, such as *honour, dignity, homeland, truth, conscience* and especially *freedom*. In the era of Gulag the axiology of life depends on both objective and subjective causes. However, regardless of ambivalent and relativistic valuations, life is understood as the highest value and spiritual life is more important than life in the physical, corporeal sense.